ЭО-Online, 2015 г.

© Анастасия Пилявская

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ИНДИИ

(пер. с англ. Марии Маглеванной)

Здесь прохладно, и в воздухе пахнет розами. Снаружи – жара под 50°С, тысячи людей толпятся, пытаясь взглянуть на редкое зрелище, а я внутри, на диване, рядом с тем самым зрелищем – Васундхарой Радже. Сегодня она главный министр Раджастана, но на тот момент, в 2013 г., она еще только кандидат в министры. Мы в микроавтобусе во время ее грандиозного предвыборного турне. Автобус, называемый *рамх,* или «колесница», – одна из ранних демократических инноваций в Индии. Впервые такой автобус был сделан в 1990 г. для Л.К. Адвани, тогдашнего президента партии «Бхаратия Джаната Парти» (БДП). 25 лет назад Адвани пронесся на своей «Огненной колеснице», как ее называли в то время, от штата Гуджарат до Айодхьи, опаляя страну пламенем хиндутвы (индуистского национализма). Сегодня Колесница БДП уже не символ господства индуистов и последователи партии не осеняют пылью с ее колес свои лбы, как 20 лет назад. Она олицетворяет экономический рост и техно-бум – два новых политических стяга, поднятых новоизбранным премьер-министром Индии Нарендрой Моди.

Колесница Васундхары обшита пластиком, фанерой и фальшивой медью, как и любой другой автобус. Но у нее есть одна особенность: лифт, на котором кандидаты поднимаются на крышу, чтобы обратиться к толпе. Приспособление у мисс Радже скромнее, чем лифт в форме лотоса в Колеснице Моди. Но эффект, тем не менее, создается драматический. С появлением Радже на крыше по толпе прокатывается гул восторга. Пару раз в день во время турне будущий главный министр покидает автобус и поднимается на сцену, где лидеры и рядовые члены партии спешат поднести ей мечи, гирлянды цветов и короны, и коснуться ее стоп. Радже – один из самых популярных политиков Раджастана. Пусть не всем крестьянам понятна ее «газетная» речь, но когда она, потрясая кулаками, кричит «Победа Раджастану!», толпа ликует в едином порыве. Наконец, Радже удается ускользнуть от поклонников назад в Колесницу; несколько лепестков с цветочных гирлянд падают на пол, и в воздухе разливается сладкий аромат.

Радже – прекрасная собеседница. Сметливая, с прекрасными манерами и острая на язык, своим бархатным грудным голосом она легко ведет беседу и хохочет в ответ на мое «я пишу о логике индийской демократии». Она говорит, что ненавидит автобусы, так как будучи ребенком, проводила в них долгие часы, путешествуя с матерью-политиком. В политику ее «заманили» родственники мужа, «хитростью» вынудив вступить в борьбу на выборах, и Радже надеется, что ее сын – уже член парламента – выберет себе другое поприще: «Хватит на семью одного политика». Внезапно, будто вспомнив о чем-то, она прерывается на полуслове и пристально смотрит на меня: «Понимаешь, – говорит она, – это феодальная демократия. Другого слова нет. Посмотри на все это снаружи – мечи, гирлянды…». Радже замолкает, отвлеченно созерцая тяжелые шторы, отделяющие нас от толпы. Но миг спустя от серьезности нет и следа: «Ну вот, – смеется она, – ты и получила свой ответ о логике демократии. Можешь ехать домой!».

Анастасия Пилявская (Piliavsky) – директор Программы исследований гуманитарных, социальных и политических наук, лектор по социальной антропологии (Гиртон-колледж, Кембриджский университет, Великобритания).

Публикуется с разрешения издательства *John Wiley & Sons, Inc*. Оригинал статьи опубликован как: Anastasia Piliavsky, India's Human Democracy. *Anthropology Today*, 2015, vol.31. no.4, pp.22–25
© *John Wiley & Sons, Inc*. Дальнейшая перепечатка возможна исключительно с разрешения издательства *John Wiley & Sons, Inc*.

Предвыборная кампания Васундхары Радже в Раджастане

Индийские космополиты, подобные мисс Радже, наследнице царского рода, богатого выпускниками Оксфорда, используют слово «феодализм» как ругательство. В нем – все, что не так с политикой в Индии: кастеизм, кумовство и блат. Этим словом здесь обличают «коррупцию» – любимую мишень у городского среднего класса. Пока западные политические теоретики аплодируют триумфам индийской политики – и прежде всего, ее демократическому духу, – у местных элит само упоминание о демократии вызывает усмешку. «Все это фарс, – возмущается один несостоявшийся раджа. – Эта наша демократия – заложница головорезов, жертва денег и насилия. Ее больше нет». Задумчиво потягивая джин-тоник, он добавляет: «А может, никогда и не было».

Но не все так просто. В индексах международной общественной организации Transparency International Индия коррумпирована так же, как и африканские страны вроде Джибути и Сенегала. Несмотря на это, явка на выборах здесь – одна из самых высоких в мире. В то время как в Европе и США участие в демократическом процессе слабеет с 1950-х годов, в Индии оно стабильно растет. На парламентских выборах регулярно голосует до 70-ти процентов избирателей, а на местных – зачастую и все 100 процентов. Масштаб выборов в индийский парламент поражает: почти миллиард активных участников делает его крупнейшим событием в мире. На каждое выборное место претендуют десятки кандидатов, а перед выборами штаб-квартиры партий осаждают тысячи желающих увидеть свое имя в партийных списках. Те, у кого нет сил и ресурсов баллотироваться самим, присоединяются к свитам политиков, агитируют за друзей и родственников, а в день выборов проводят долгие часы под палящим солнцем, дожидаясь своей очереди проголосовать. Как говорят индусы, 30 лет назад в каждой образованной семье был госслужащий, а теперь – политик.

Так почему же индийские граждане – богатые и бедные, в городах и деревнях – отдаются политике с таким рвением? Политологи говорят нам, что ответ на этот вопрос заключается, как ни парадоксально, в недоразвитости и массовой бедности Индии. Они говорят нам, что простые индийцы, отчаянно нуждаясь в еде, крове и элементарной ин-

фраструктуре, продают свои голоса тем, кто может – или обещает – обеспечить все это. Индийские выборы, говорят они нам, – это аукцион, где голосуют за тех, кто платит больше. Чем беднее избиратели, тем дешевле их голоса, которые можно купить за пару рупий, бутылку спиртного или тарелку риса. А несогласных всегда можно переубедить грубой силой. Деньги и насилие, как не устают повторять аналитики, – это нефть и газ индийской демократической машины. Предвыборная политика – не более чем проявление отчаяния и жадности. Никакой морали, никакого планирования – один большой базар.

Предвыборная кампания в Джайпуре

Но действительно ли это так?

Миссис Шикша преподает в государственной школе в Джайпуре. У нее хорошая зарплата (больше $400 в месяц в эквиваленте), гарантированная пенсия, и от ее дома до школы всего пара кварталов. За эту должность Миссис Шикше пришлось заплатить. Это произошло так. По окончании обучения она получила распределение в школу на краю пустыни Тар, за 300 миль от родного Джайпура. Очень скоро семья ее мужа запротестовала: «Немедленно возвращайся, иначе мы найдем своему сыну другую жену. Если так будет продолжаться, у вас вообще не будет детей». Она впала в отчаяние. Без связей в Джайпуре сделать что-либо было невозможно. Именно тогда ее свояк, тоже учитель, познакомил ее с мистером Чамчей – человеком, который помогает таким, как она, за плату. Мистер Чамча – один из многих брокеров, которые заставляют бюрократов и политиков Индии, как говорится, «исполнять их гражданский долг». Услуги мистера Чамчи до́роги – он взял с миссис Шикши $1000, но он работает по принципу «Утром – стулья, вечером – деньги». Он выставил ей счет лишь после того, как пришло извещение о переводе.

Мистер Чамча – эксперт по правительственным департаментам и бюрократическим процедурам, но его настоящий капитал – это тысячи контактов среди госслужащих, в политических кругах и в полиции, которую он прикармливал годами. По его словам, он тратит не меньше половины своего гонорара на «подмазывание» политиков и бюрократов. Тем не менее он может делать свою работу лишь потому, что знает нужных людей:

министров, членов городских советов, парламента, законодательной ассамблеи, а также их многочисленных помощников. «Нельзя просто прийти к министру, – объясняет он, – и сказать: «Эй, *дада* [брат], дай мне работу! Вот два *лакха* [200 000] рупий». В Индии такие вещи требуют *подхода*. Понимаешь ли, здесь нужны связи».

В сообщениях о коррупции, создающих привычные сенсации в прессе, речь обычно идет о нечистых сделках или взятках в высших эшелонах власти. Деньги, конечно, умасливают политиков и бюрократов на всех уровнях. Но кроме случаев, когда парой рупий можно откупиться от дорожного полицейского где-нибудь на обочине; между незнакомцами наличные не ходят. Каждая сделка проводится по налаженным каналам – через «известного нам человека», как говорят местные.

Балли – цветущий молодой человек чуть старше двадцати. Он только что начал работать в полиции, чем очень доволен. За такие посты нередко борются тысячи претендентов, и я спрашиваю, как это ему так повезло. Его лицо, с ямочками на щеках, озаряется смущенной улыбкой: «Понимаете, мой отец тоже полицейский». Действительно, государственные должности зачастую передаются по наследству; и уж во всяком случае, у детей чиновников по умолчанию больше шансов занять родительский пост. Но в случае с Балли этого было недостаточно. Понадобились «политические связи», и его отец обратился к своему двоюродному брату – владельцу небольшой шинной фабрики, который «дружит» с политиками. Им повезло: член законодательной ассамблеи их округа оказался школьным товарищем брата – на все про все потребовался один телефонный звонок. Через пять минут чиновник уже инструктировал «своих» подчиненных в экзаменационной комиссии в полиции. Балли сдал экзамен и совсем скоро начал работать на «элитном» участке в центре Джайпура. «Но дело не только в этом, – застенчиво добавляет он. – Я еще хорошо бегаю».

Сети связей с членами семьи и касты, соседями и земляками, а также товарищами по школе и университету опутывают всю Индию, соединяя города и деревни, касты и классы, безграмотных и образованных. Выходцев из более индивидуалистских культур зачастую поражает и даже утомляет местное умение заводить и поддерживать бесчисленные связи, то скольких людей знает каждый и со сколькими может познакомить. Но в Индии все – от покупки машины или участка земли до женитьбы, получения работы, устройства ребенка в школу или привлечения избирателей в свой лагерь – требует «подхода». Во всем этом, безусловно, крутятся немалые деньги, но просто и быстро ничего не делается. Каждая комбинация строится на узах взаимной симпатии, протекции и доверия. Те, у кого есть связи, смекалка и амбиции, могут всю свою жизнь организовать в обход закона и ни разу не дать взятку. А за счет тех, у кого нет нужных контактов и навыков, процветают брокеры, подобные мистеру Чамче.

Еще один такой брокер – Бапу-джи (Уважаемый отец). Это прозвище ему дали рабочие Джайпура в честь Махатмы Ганди, величайшего святого индийской политики. У Бапу-джи постоянный тик и бегающие глаза. Родившийся в крохотной деревушке, он и в школе-то толком не учился, но обладает уникальным даром налаживать связи. При нем три мобильных телефона, по двум из них он говорит практически беспрерывно: Бапу-джи, как никто другой, умеет заводить и поддерживать знакомства на всех уровнях политической лестницы, от кабинетов до трущоб. В его телефонах записаны тысячи номеров, и он утверждает, что со всеми этими людьми знаком лично. Такой талант, как считается, – залог успеха в политике.

Официально Бапу-джи возглавляет НГО – негосударственную организацию-фантом под названием «Невероятная Индия». Но, как говорит он сам, его настоящая работа – «общественная». Дни напролет Бапу-джи занимается тем, что налаживает контакты, сводя избирателей с политиками и наоборот. Он заботится о том, чтобы политики участвовали в «развитии» трущоб – в строительстве дорог, канализации, водопровода, школ. За эту «работу на благо общества» его и ценят. Он знает, как выхлопотать поддельное свидетельство о рождении, к кому обратиться, чтобы подключили электричество, как устроиться на государственную службу и какой именно политик будет полезен в том

или ином деле. Взамен он помогает политикам получить лояльных приверженцев, и они называют его своим «избирательным агентом».

Пробившись наверх благодаря своей смекалке и связям старшего брата, сам Бапу-джи живет с женой и двумя сыновьями в одноэтажном бетонном бараке и ездит по городу на видавшем виды мотоцикле. Зато его сыновья учатся в частной школе вместе с детьми политиков. Бапу-джи платят за каждую успешную сделку и дают деньги на проведение политических кампаний. Но все это приносит сравнительно небольшой доход. Вместо наличных он получает административные преференции для себя, своей семьи и друзей. Он может, не ожидая этого годами, купить землю, он может подключиться к энергосети со скидкой, а его фиктивной НГО иногда перепадает финансирование из-за рубежа. Когда приезжают меценаты из Германии, обитатели трущоб с готовностью расскажут, как много хорошего делает для них «Невероятная Индия».

Бапу-джи – один из миллионов политических лидеров Индии, многие из которых беднее своих коллег в Африке, России, Италии или США. Стоимость политических кампаний нередко достигает миллиардов рупий (как правило, стократно превышая установленный законом лимит) и на одни только празднества в честь выборов – традицию, зародившуюся во времена обретения Индией независимости, – могут уйти миллионы. Если у политиков нет собственного капитала, деньги будут в основном «черными» или «серыми»: выкачанными из бизнеса, общественных фондов или даже у полицейских шишек, которые вымогают взятки у подчиненных, чтобы угодить своим политическим боссам. Но далеко не все эти деньги оседают в карманах политиков; немалая часть перераспределяется, пусть не беспристрастно и не поровну, среди их последователей. Из тех, кто хочет удержаться в политике, лишь немногие уходят от необходимости тратить «частный капитал» на свои избирательные округа: на общественные уборные, водяные насосы, школы, а иногда и на более целевую помощь вроде медицинского обслуживания или свадебных подарков.

Миллионы предприимчивых бапу-джи – звенья в длинных цепочках связей, которые соединяют избирателей и политиков, помогают политикам набирать голоса, а избирате-

лям – выставлять требования своим представителям и спрашивать с них за удовлетворение своих нужд. В Раджастане на каждого из двухсот членов законодательной ассамблеи постоянно работают от 1500 до 3000 брокеров. Некоторые из них – официально избранные члены деревенских или районных администраций, но многие просто предприниматели от политики. У каждого члена ассамблеи есть отряд приближенных – соратников, «друзей», партийных работников, избранных представителей муниципалитетов и профсоюзов, а также бесчисленных бизнесменов, взращивающих политические связи. Такие отряды могут насчитывать до 200 членов. На время выборов набирается гораздо большая армия сторонников. Масштабы политической активности невероятны. Оценки лидеров партий Конгресса и БДП совпадают: примерно один из ста взрослых жителей сельской Индии регулярно участвует в официальных политических акциях, а один из пяти присоединяется к ним время от времени. Страна гиперполитизирована, и не только в период выборов.

В конце своего предвыборного турне мисс Радже поднимается на помост, держа клочок бумаги, который кто-то сует ей в руку. Она приветствует толпу и разглаживает записку на трибуне. Полуграмотные строчки написаны на местном диалекте, и все, что разбирает мисс Радже, это подпись, которую она зачитывает вслух: Чоти Баи (Сестренка). Сестренка просит мисс Радже помочь с электричеством, которое в ее деревне подают через день на три часа. Команда мисс Радже не упускает возможность продемонстрировать великодушие, и просительницу вытаскивают на помост. Крохотная, черная, как земля, завернутая в леденцово-розовое сари, Сестренка бросается к ногам Радже. После неловкой паузы Радже приходит в себя и твердо произносит: «Да будет так», – как часто говорят верующим священники в храмах.

* * *

Если в беседе с научным сотрудником из Кембриджа Радже может открещиваться от своего титула Махарани (как ее, безо всякой иронии, называет весь Раджастан) среди последователей роль царицы она играет прекрасно. Прогрессивные космополиты могут

возмущаться царскими регалиями, подхалимством и теснотой политических связей в Индии. Но в индийской политике, и в верхах, и в самом низу, все это обычное дело. Здесь политика – это связи и иерархии, это обязательства и ответственность перед «своими» людьми. Такое вторжение человеческой интимности в бюрократию и абстракции закона можно называть «коррупцией». Однако именно эта «коррупция» – хаотичные сети человеческих отношений – поддерживает демократический процесс в Индии.

Эта картина – большой удар по коллективному европейско-американскому духу, для которого «демократия» равносильна религии: источник всего политического добра, спасение от всех грехов. У этой религии есть своя теология и набор базовых установок: равенство и личная свобода, освященные ритуалом голосования – один голос на каждого совершеннолетнего гражданина.

Но не всегда и не везде демократия выглядела именно так. Отцы-основатели – авторы американской Конституции – не были поборниками равноправия, как не были таковыми и граждане древних Афин – единственного в своем роде государства, где когда-либо существовала демократия в ее идеальной, прямой форме. В обоих случаях это были рабовладельческие общества, и оба спокойно не давали женщинам права голоса. Демократия в древних Афинах, как и демократия на заре Соединенных Штатов, словно в зеркале отражала свое общество, ценности *демоса* и то, как этот демос видел себя. Это справедливо также и для современной Индии. Но в отличие от древних Афин, Индия сегодня – часть глобальной ойкумены с единым стандартом политической добродетели. Если судить индийскую политику по этому стандарту, она действительно кажется исковерканной или ущербной версией демократических обществ в западных странах. В 2015 г., однако, перед нами полноценный политический мир, со своей жизнью и характером. Мы можем возмущаться, поражаться или просто насмехаться над ним, но позволить себе игнорировать его – как политически, так и интеллектуально – мы уже не можем. Индийская политика бросает нашим политическим институтам дерзкий вызов. Но если мы придержим свои суждения и прислушаемся к тому, что о себе думает сама Индия, мы сможем услышать ответы. Мы также сможем заметить пробелы в нашем собственном разрозненном представлении о демократии; узреть бездну между демократией, какой бы мы хотели ее видеть, и тем, какая она на самом деле: так глубоко и так несовершенно человеческая.